

В конце концов Чэн Годун принялся вовсю меня окучивать. Он настойчиво уговаривал примкнуть к их оперативной группе — для начала хотя бы внештатным сотрудником, а там, глядишь, получу диплом, и меня пристроят на полноценную государственную службу с официальным окладом.

Мысленно я, конечно, брыкался. Из-за долгого общения с разного рода свободными «деятелями искусства» я и сам разленился, привык к творческой вольнице и на дух не переносил любые рамки и обязательства.

Так что побегать у них на побегушках вне штата я ещё соглашался, но вот становиться заправским чиновником и садиться на строгий государев паёк — увольте, покорнейше благодарю.

К моему удивлению, двоюродный брат горячо поддержал эту позицию. По его мнению, разок-другой подсобить со стороны — дело непыльное и сравнительно безопасное, а вот если влезть в систему официально, то тебя начнут совать в самое пекло по первому приказу руководства. А кому нужен такой неоправданный риск?

С тех пор как я пришёл в себя, в палате постоянно кто-то толокся. Сначала заглянул брат Давэй, следом за ним — мутный тип Ань Бели, а под конец пожаловали Чэн Годун с мастером Бай.

На второй день я уже было понадеялся, что суета улеглась и я смогу наконец в тишине расспросить своих духов-покровителей о деталях случившегося, но в дверь снова постучали. Впрочем, вошедшему гостю — точнее, гостье — я отказать никак не мог. На пороге стояла та самая красавица, которую я вытащил из проклятой деревни, — Чи Сююань.

Оно и понятно: когда к молодому парню, у которого с гормонами и ориентацией полный порядок, в больничную палату заявляется очаровательная девушка, мало кто решит указать ей на дверь. И плевать, что эта прелестница явно старше меня года на три, а то и на все четыре.

Чи Сююань только-только окончила Центральную академию изящных искусств и уже вовсю пробивала себе дорогу в жизни: её картины покупали галереи, да и постоянный контракт с одной из них у неё уже имелся. Для нашего брата-живописца — невиданный успех, настоящий жизненный триумф. Мы-то в своей Ляонинской академии звёзд с неба не хватало, наш факультет масляной живописи особым престижем не отличался, и виды на будущее у выпускников были весьма туманными. Так что на успешную выпускницу Янмэй я смотрел с невольной завистью.

Сююань робко переступила порог, крепко прижимая к себе клетчатый термос для еды. Глядя на то, как я распластался на больничной койке, она виновато опустила глаза.

— О, прекрасная сестрица, доброе утро! — приветствовал я её как можно бодрее.

— Доброе утро... гм, господин Чжоу, — смутилась она.

Признаться, за всю мою сознательную жизнь меня впервые величали «господином». Понятно, что это была обычная вежливость, а не признание моих мнимых заслуг, но уши всё равно приятно пощекотало.

— Да ладно вам, какой я господин! — я замахал руками. — Я же зову вас сестрицей, вот и вы зовите меня просто Дачуань. Меня все друзья так зовут.

Но если честно, куда больше самой девушки меня сейчас манил зажатый в её руках термос. Больничная стряпня годилась лишь на то, чтобы не протянуть ноги от голода: ни вкуса, ни запаха, да и выглядела она так, словно её уже кто-то ел до меня.

Поймав мой алчущий взгляд, Сююань торопливо свинтила крышку. По палате тут же растёкся умопомрачительный, густой аромат наваристого куриного бульона. От одного этого запаха у меня под ложечкой сладко засосало. Надо же, такая утончённая особа, а умеет готовить! Причём судя по аромату — на высшем уровне.

— Это... мне? — на всякий случай переспросил я, чтобы не сесть в лужу из-за излишней самоуверенности.

— Конечно! — Сююань расплылась в улыбке и протянула мне термос вместе с ложкой. — Я попросила шеф-повара в своей гостинице, он томил её на медленном огне всю ночь. Ешь скорее, пока горячая!

Её глаза так и сияли искренней надеждой угодить мне.

«М-да, хорошо, что я не успел вслух похвалить её кулинарный талант»

Сразу видно изнеженную барышню, которая тяжелее кисти в жизни ничего не держала. Она притащила суп прямо в огромной глубокой колбе термоса, даже не догадавшись захватить хотя бы пиалу или глубокую тарелку, чтобы перелить порцию. Слава богам, ложка нашлась.

— Огромное спасибо, не стоило так тратить, — искренне поблагодарил я.

Как ни крути, ресторанный шеф-повар веников не вяжет: суп выглядел просто божественно, лоснясь золотистыми каплями жира на янтарной поверхности.

Верхняя половина тела у меня уже двигалась без проблем, разве что ноги до сих пор неприятно гудели и слегка отекали. Впрочем, учитывая мою природную живучесть, завтра меня отсюда с почестями выпишут. Я принялся уплетать бульон, перемежая трапезу неспешной болтовнёй.

Выяснилось, что сразу после защиты диплома в Янмэй она отправилась в ознакомительное путешествие по стране — ловить вдохновение и собирать эскизы для будущих картин, которые планирует выставить осенью. Вы только послушайте! На её месте любой нормальный студент из провинциального вуза лопнул бы от зависти прямо здесь.

Судите сами: элитная столичная академия, классическая школа живописи за плечами, престижный контракт с галереей прямо со студенческой скамьи, толпы ценителей её таланта... Сиди себе, поплёвывай, катайся по живописным уголкам Китая с мольбертом за плечами — ну вылитая любимица судьбы! И возьми меня: учусь в заштатном провинциальном институте, в отличниках никогда не числился, подрабатываю на полставки шаманским мракобесием, а в поездках ночую по самым дешёвым хостелам. Настоящий каноничный неудачник, выбившийся в люди только благодаря покровительству духов.

И всё же пути наши пересеклись. Судьба столкнула двух столь непохожих людей в Богом забытой глухомани деревни Бэйган, заставила хлебнуть лиха и сплотила общей бедой. Видать, и впрямь кармическая связь.

Стоило Сююань узнать, что я тоже грызу гранит живописной науки, как её прорвало. Мы проболтали битый час, перескакивая с импрессионизма Моне на тончайшую лессировку Ван Эйка, а от супрематизма Малевича — прямиком к размашистым штрихам Сюй Бэйхуна. Такой стилистический разброс кого угодно свёл бы с ума, но нам было весело. Разобравшись с искусством, мы плавно перешли к чертовщине, творившейся в деревне. Творческие люди вообще редко бывают твердолобыми материалистами; догмы научного атеизма у них уживаются со всякой мистикой без малейших угрызений совести.

По крайней мере, за год учёбы я чётко уяснил: художники к оккультизму и шаманизму относятся вполне лояльно. В их картинах мира найдётся место и чертям, и ангелам — лишь бы эти сущности не мешали пачкать холсты краской, а ещё лучше — подкидывали свежие идеи для сюжетов.

— Скажи... те самые бессмертные духи-покровители, они ведь и правда существуют? — с трепетом спросила Сююань, после чего принялась делиться своими воспоминаниями о том кошмаре.

Как оказалось, выскочив тогда из проклятого дома, она обомлела: вся прилегающая территория кишела мерзкими, фосфоресцирующими неестественными цветами насекомыми. Поначалу у неё от ужаса подкосились колени, но, замахнувшись руками в попытке отогнать рой, она заметила, что твари панически шарахаются от неё в стороны. Только тогда, собрав волю в кулак, она бросилась бежать к выходу из деревни.

— Мне так неловко, — тихо произнесла она, глядя на меня с виноватой улыбкой. — Я и представить не могла, что нарисованный тобой на скорую руку символ окажется настолько могущественным оберегом. Стоило червям приблизиться, как они тут же сгорали или уползали прочь.

Я с самым преисполненным достоинства видом кивнул, хотя про себя молился лишь об одном: хоть бы эта фантазёрка не додумалась попросить меня нарисовать ей защитный талисман от дачных комаров и клещей.

— Когда я наконец добралась до окраины, то долго стояла у дороги, не решаясь заговорить с пустотой, — Сююань слегка покраснела. — Со стороны это, наверное, выглядело дико. Я чувствовала себя круглой душой.

Она запнулась, а её лицо озарилось детским восторгом:

— Но тут прямо перед моими ногами взметнулся вихрь пыли и песка! Песчинки зависли в воздухе и сложились в аккуратную надпись: «Благодарим за весть. В деревню не ходи». Дачуань... это правда были твои духи?

«А как же! Наш Глава Чжоу лично руку приложил, — раздался у самого моего уха вкрадчивый голосок Бай Яньцю. — А великий предводитель Ху и вовсе грозился сосватать этой прелестнице завидного жениха, чтобы судьба её цвела ярче весеннего персика!»

«Та девчушка в тот день сослужила нам добрую службу, — продолжала нашептывать бессмертная змея. — Мы ведь извелись все, ожидая вестей с того света. Боялись ворваться очертя голову, чтобы тварь не вздумала сорвать злость на тебе или на детишках. А как только твоя красавица всё выложила, мы мигом перегруппировались и нанесли сокрушительный удар в самую маковку врага»

Заметив живой интерес в глазах гостыи, я снисходительно улыбнулся:

— Это весточка от наших духовных предков. Между прочим, они в своё время плечом к плечу с партизанами японских захватчиков по лесам гоняли.

Дальнейший разговор вертелся вокруг шаманских традиций и таинств северо-восточных культов. Надо сказать, я впервые в жизни вот так просто делился подобным с ровесницей. Родителям о своих потусторонних делах я лишний раз не заикался — не хотел доводить маму до инфаркта. Однокурсникам тем более зубы не заговаривал, иначе мигом прослыл бы поехавшим шизофреником и остался бы изгоем до самого выпуска.

В моей «профессиональной» среде единственными собеседниками оставались чета Пан, но они принадлежали к старшему поколению, поэтому наше общение неизменно сводилось к строгим наставлениям, нравоучениям и разбору моих ошибок. А тут — ровесница, да ещё какая!

На прощание мы обменялись номерами телефонов, и Сююань твёрдо пообещала выкроить денёк, чтобы нанести мне ответный визит. Честно говоря, перспектива новой встречи меня чертовски радовала. Пускай моё сердце не устраивало кульбитов при её виде, обзавестись знакомством с такой эффектной девушкой было чертовски лестно для моего уязвлённого мужского самолюбия.

В общей сложности на больничной койке я провалялся три дня. На утро четвёртого, наскоро покидав нехитрые пожитки в рюкзак, я выписался и на всех парах рванул к вокзалу. Билет в мягкий вагон мне заблаговременно раздобыл двоюродный брат, капитан Чжоу Давэй. За эту роскошь пришлось отвалить кругленькую сумму — целых двести четырнадцать юаней! Мой бюджет затрещал по швам: эта сумма равнялась моим законным карманным расходам на две недели безбедного существования.

Расположившись на своей полке под мерный стук колёс, я с решимостью обречённого принялся подбивать дебет с кредитом. Аккуратно наклеил все чеки, квитанции и проездные билеты на чистый лист бумаги и бережно спрятал этот драгоценный талмуд в потайной карман рюкзака.

Пусть это выглядело мелочно, но по возвращении я намеревался стрясти всю сумму до последнего фэня с учительницы Шао. Дело тут вовсе не в моей скупости — я банально сидел на мели и рисковал до конца месяца перейти на подножный корм. Просить у мамы очередной перевод совесть не позволяла: я ведь уже взрослый парень, стыдно кланчить деньги у родителей на свои авантюры.

А вот зариться на баснословную награду, которую обещал муж нашей учительницы, я не смел. В нашем шаманском ремесле закон суров: берёшь лишнюю мзду — теряешь крупницы драгоценной небесной кармы и накопленной благодати. А для меня сейчас духовные заслуги были вопросом выживания. Мне вот-вот стукнет девятнадцать, а там и до рокового двадцатилетия рукой подать — того самого возраста, в котором, по всем предсказаниям, висел мой смертный приговор.

Пусть наставники наперебой уверяли, что после кончины меня ждёт немедленное вознесение в ранг бессмертных небожителей, радоваться перспективе скорых похорон я не спешил. Позвольте спросить: раздают ли в чертогах святых хрустящие крылышки из фастфуда KFC и нежное, сочное гобаожоу под кисло-сладким соусом? Смогу ли я оттуда ухаживать за престарелой матерью и приглядывать за младшей сестрой, чтобы вовремя отваживать от неё всяких наглых козлов, мечтающих подобраться к нашей семейной капусте?

Да и вообще, кто гарантирует, что на небесах разрешены любовные романы? Стоит мне вспомнить перипетии из сериала «Лотосовый фонарь», как мороз по коже продирает. Уж лучше я здесь, на грешной земле, как-нибудь перебыюсь.

Тем более что во всех прошлых реинкарнациях я, по слухам, так и помер девственником, не познав простого человеческого счастья. Надо же когда-то ломать эту дурацкую тенденцию!

Поезд прибыл в город затемно, около восьми вечера. Соваться в общежитие в такой час смысла не было, да и, откровенно говоря, ноги туда не несли. Мои соседи по комнате, два вероломных предателя, умудрились обзавестись подружками и теперь без умолку трещали о своих амурных подвигах. Возвращаться туда и слушать их хвастовство — выше моих сил, моё нежное одинокое сердце просто не выдержало бы такого издевательства.

Но стоило мне завернуть во двор и подойти к собственному подъезду, как нарисовалась занятная картина. Прямо у моей двери на корточках сидели двое крашенных гопников — один толстый, другой тощий как щепка. Они увлечённо смолили дешёвые сигареты, окружённые россыпью пустых пивных бутылок и объедками жареных крылышек.

Сладкая парочка оживлённо шушукалась, но едва завидев мою скромную персону, оба резко подскочили. Тощий торопливо выудил из кармана мобильник, сверился с экраном, словно сопоставляя мой фейс с ориентировкой, после чего оба рванули прочь по лестнице с такой прытью, будто за ними гналась свора гончих.

Я даже рот открыть не успел, чтобы окликнуть незваных гостей. Пятки их сверкнули в дверном проёме, и след простыл. Делать нечего, пришлось вздохнуть и собственноручно сгребать оставленный ими мусор в пакет.

Жилище шамана, у которого на домашнем алтаре квартируют духи-хранители, обязано сиять первозданной чистотой. Бедность у нас пороком не считается, а вот за неуважение к гигиене разгневанный патрон может так огреть по хребтине, что мало не покажется.

Едва я закончил влажную уборку и вытер пыль с алтаря, стрелки часов перевалили за девять вечера. Мою тишину нарушила бодрая трель мобильного. Взглянув на дисплей, я удивлённо приподнял бровь: звонила учительница Шао.

— Учительница Шао, добрый вечер, — ответил я, прижав трубку к уху.

— Дачуань, ты уже дома? — её голос заметно дрожал от с трудом сдерживаемых слёз облегчения.

Было слышно, как глубоко она взволнована. Напряжение последних дней всё ещё не отпустило бедную женщину.

— Да, только с вокзала. Как там ребяташки? Всё обошлось? Кошмары не мучают?

Хоть на момент нашего штурма дети мирно спали под воздействием чар, хрупкая детская психика могла дать сбой от пережитого ранее стресса. Некоторые младенцы рождаются со слабой энергетикой — таким достаточно лёгкого испуга, чтобы растерять частички души.

— Слава богу, всё в порядке, врачи осмотрели, отклонений нет, — торопливо заговорила она. — Дачуань, скажи, ты завтра свободен? Мы... мы бы очень хотели встретиться всей семьёй и отблагодарить тебя как следует.

Я неловко поскрёб затылок:

— Ну, раз такое дело, приходите завтра в обед. Закажите хорошую праздничную корзину с

угощениями из ресторана и приносите. Это в первую очередь нужно для подношения духам-покровителям, они заслужили. А мне лично ничего не надо, я так — на побегушках был, руками водил.

— Что ты такое говоришь! Если бы не ты... — она судорожно вздохнула. — Ладно, договорились, завтра в полдень мы будем у тебя. Отдыхай, не буду утомлять тебя разговорами в такой поздний час.

Мы обменялись ещё парой дежурных фраз, и в трубке пошли короткие гудки.

Набрав полную ванну горячей воды, я с наслаждением смыл с себя дорожную пыль и больничную копоть, после чего завалился на родную кровать и сладко потянулся.

Радость-то какая: вернулся живым, здоровым и в полном комплекте конечностей!

<http://bllate.org/book/20253/2161494>